

Автограф Чуковского

ВОТ ПРО КОГО можно сказать: он сам себя воспитал и образовал, как и Горький. Исключенный из Одесской гимназии, Чуковский путем самообразования изучил английский язык настолько, что газета «Одесские новости» откомандировала его как собора в Англию, где в течение двух лет он усовершенствовался в знании языка и стал блестящим переводчиком многих книг английских и американских авторов. Одни только имена Бишер Стоу, Даниэль Дефо, О' Генри, Коттан Дойл, Редьярд Киплинг, Марк Твен, Герберт Уэллс, Уолт Уитмен и другие благодаря Корнею Чуковскому получили широкую известность и распространение в нашей стране. Оксфордский университет вполне заслуженно присвоил Корнею Чуковскому почетное звание доктора литературы.

Для Чуковского характерна разносторонность интересов. Он и педагог, детский сказочник, литературный критик, и историк литературы, лингвист и филолог, книговед, и крупнейший исследователь творчества Некрасова.

Корней Иванович был в полном смысле энциклопедистом. Он редактировал многие книги, собрания сочинений Некрасова, Чехова и проявил себя при этом квалифицированным текстологом. Тысячи строк некрасовских стихов, искаженных царской цензурой, усилиями Чуковского восстановлены и обрели вторую жизнь. К нему, как к главному некрасоведу, обращались за консультацией ученые всего мира и простые любители поэзии Некрасова.

Обратился к нему с письмом и я. И вот по какому поводу. С предисловием Еремина была издана якобы вновь найденная поэма Некрасова «Светочи». Когда я прочитал ее, мне стало не по себе. Я еще в детстве знал наизусть поэму «Дедушка», строфы из которой оказались включенными в текст «Светочей», причем не всегда к месту. Судя по комментариям, поэму отыскал где-то в старых монастырских архивах Демьян Бедный и решил опубликовать, как непропущенное царской цензурой произведение своего любимого поэта.

Чувствуя фальшь в конструкции поэмы и особенно в наслоениях к «Дедушке», якобы в свое время вычеркнутых, я обратился за разъяснением к

Корнею Ивановичу. (Раньше я посылал ему два листка с детскими «обмолвками», но ответа не получил). Летом 1958 года, будучи в Москве, решил позвонить Корнею Ивановичу, и получил разрешение приехать к нему в Переделькино...

Он вспомнил про письмо и извинился, что не смог ответить.

— Да разве можно обижаться на эту «рассеянность», как вы сказали? Ведь вы же их получаете десятками и сотнями ежедневно. Целый аппарат надо для прочитывания всех глупостей, — произнес я.

— Но ваше письмо отобрано в папку для ответа, и, кстати, мы поговорим об этом в подробней, — ответил Чуковский. — Вы, несомненно, правы, усомнившись в принадлежности Некрасову «Светочей». Я связался по этому поводу с текстологом Рейсером, и мы оба пришли к выводу, что Демьян стал жертвой мистификации. Какие-то проходимцы запаслись старой гербовой бумагой прошлого века и китайской тушью и писарским почерком написали сочиненный обычным версификатором текст, пересылав его в нужных местах строфами уже из самого Некрасова. Взять хотя бы вот эти строки: «Помним мы иль позабыли кровью отмеченный год?». Да разве мог Некрасов допустить такие звуковые ляпсусы «им мы иль», — и он засмеялся... — А вы молодец, что до сих пор «Дедушку» помните. Нет, вы подумайте, как жулики Демьяна обманули — полторы тысячи отвалили за фальшивку...

Немного помолчав, Корней Иванович сказал:

— Вот для чего нужны такие скрупулезные текстологи, как профессор Рейсер. (Как будто не сам он все это установил, а профессора Рейсера привлек как консультанта, для пущей важности, хотя в то время Корней Иванович уже был доктором филологических наук).

Корней Иванович предложил чаю с вареньем и за чаем сказал:

— Выкладывайте, не стесняйтесь, что у вас еще есть с собой, — глаза его смотрели на провинциала доброжелательно, но с какой-то озорной смешинкой — не попросит ли посетитель книгу с автографом на прощание.

Но я сумел подавить затаенное желание и, достав из дорожного планшета рисунок девочки, дал Чуковскому по-

смотреть. На рисунке дошкольница была изображена тощая кляча с длинным всадником и сделана надпись «Тонки ход».

Корней Иванович так раскатисто рассмеялся, что в соседней комнате даже собачонка какая-то тьякнула.

— Подарите мне эту прелесть, где вы ее взяли?

— Это одна малютка после просмотра фильма решила воспроизвести Дон Кихота — Черкасова.

— И надпись сама сделала? — Да, полупечатными буквами разной величины.

— Подпишите, пожалуйста, внизу ее фамилию, имя и возраст, если знаете.

— Охотно! — и я вручил этот перл сказочнику, а он продолжал смеяться, пряча рисунок в папку.

Порывшись в книжном шкафу, он смущенно сказал:

— А вот вам, дорогой, кажется, я не смогу сделать подарка. Все экземпляры последнего издания «Люди и книги» разошлись, но оставьте мне адрес, и я пришлю вам свою книгу непременно... А детские смешинки и мудрые словечки присылать продолжайте. Вон их у меня какая уже грудка для двадцатого издания...

На этом я, извинившись за вторжение, поспешил раскланяться. Поскольку после этой встречи прошло четыре года и от Корнея Ивановича обещанная книга не поступила, я подумал, что он забыл про свое обещание. И вдруг в счастливый весенний день 1963 года я получаю из Москвы заказную бандероль с толстенной книгой. Это было четвертое издание, отмеченное Ленинской премией 1962 года, книги «Мастерство Некрасова», которую Корней Иванович считал главным трудом своей жизни. На форзаце автограф: «Дорогому Н. А. Крутиховскому сердечный привет от Корнея Чуковского. Апр. 1963.».

Вспомнил-таки нашу беседу о Некрасове и именно эту книгу прислал как память.

Я поблагодарил его за дорогой подарок и послал свой читательский отзыв на «Серебряный герб» — книгу о легендарном детстве и отрочестве Николая Васильевича и в ответ получил от него открытку с благодарностью за лестный отзыв и с приглашением зайти, когда буду в Москве.

Но сделать это мне, к сожалению, не удалось.

Н. КРУТИХОВСКИЙ.